

Комната

СНОВ

18+

Дэвид Линч и Кристин Маккена

Дэвид Линч
Кристин Маккенна
Комната снов.
Автобиография Дэвида Линча
Серия «Подарочные
издания. Кино (ЭКСМО)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73883572

*Комната снов: автобиография / Дэвид Линч, Кристин Маккенна ;
[перевод с английского]. : Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-246324-2*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Дэвид Линч был и остаётся уникальным не столько режиссёром, сколько человеком со своим взглядом на мир, что нашло свое отражение и в меланхоличном ужасе «Синего бархата», и в мистической эпичности «Дюны», и в уютной загадочности «Твин Пикса», и даже в трагичной романтике

«Малхолланд Драйв». Работы Дэвида Линча нераздельно связаны с самой личности человека, чьи таланты были многообразны и оставили свой след в самом разном творчестве. И никто лучше не расскажет о таком многогранном человеке, чем он сам.

С помощью своего друга и журналиста Кристины Маккены, Дэвид Линч поведает нам свою историю от детства до первых творческих успехов, от неуверенного выхода «Головы-ластик» до формирования своей собственной реальности в «Шоссе в никуда».

Помимо этого, вас ждёт:

- Подробная история жизни от рождения до статуса живой легенды

- Архивные и личные фотографии, большую часть из которых нигде не публиковали

- Писательское мастерство Кристины Маккены и чувство юмора Дэвида Линча дарят уникальный опыт среди биографий

- Секреты легендарных фильмов («Человек-слон», «Дикие сердца», «Внутренняя империя»), и как жизненные события влияли на известные сюжеты

«Комната снов» – не просто сборник воспоминаний. Это искреннее письмо читателю о том, как память формирует наш путь, как любовь и утраты делают нас сильнее, а творчество помогает найти смысл в суете повседневной жизни.

Вы окунётесь в хронику памяти, эмоциональные переживания и глубокие размышления о свободе, ответственности и человечности. Это история, которая заставит задуматься о том, как жить достойно, как видеть смысл в каждом дне и как через искусство найти свое «я».

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	11
Американская пастораль	14
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Дэвид Линч,
Кристин Маккенна
Комната снов.
Автобиография
Дэвида Линча**

*Посвящается Его Святейшеству Махариши
Махеш Йоги и мировой семье*

Серия «Подарочные издания. Кино»

***ДЭВИД ЛИНЧ
КОМНАТА СНОВ
ПОЙМАТЬ БОЛЬШУЮ РЫБУ***

***КРИСТИН МАККЕННА
КОМНАТА СНОВ
ПОГОВОРИ С НЕЙ
КНИГА ПЕРЕМЕН***

ГАЛЕРЕЯ ФЕРУСА: ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

David Lynch and Kristine McKenna Life and Work (Room to Dream) Copyright © 2018 by David Lynch and Kristine McKenna Cover design: David Lynch Cover photograph: © Sunny Lynch

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

Когда мы решили написать книгу «Комната снов» несколько лет тому назад, мы преследовали две цели. Первая: подойти как можно ближе к созданию описательной биографии, что означает точную достоверность всех фактов, лиц и дат и что все участники событий реальны и учтены. Вторая: мы хотели, чтобы голос субъекта играл ведущую роль во всем повествовании.

Для этого мы выбрали метод, который может показаться странным, однако мы надеемся, что читатель не собьется с ритма. Сначала один из нас (Кристин) писал главу, используя стандартный набор инструментов для биографии: исследования и интервью с членами семьи, друзьями, бывшими женами, коллегами по творчеству, актерами и продюсерами. Затем другой (Дэвид) просматривал написанное, исправлял ошибки и неточности и писал главу в ответ, используя воспоминания других и раскапывая свои собственные. Книга, которую вы держите в руках, – это в основном диалог героя с собственной историей. Мы не устанавливали никаких границ и правил, когда начинали писать. Многие из тех, кто любезно согласился дать интервью, могли поведать собственную версию событий – такими, какими они их видели. Книга не была задумана как толкование фильмов и других произведений искусства, которые являются частью этой истории;

подобный материал легко найти в открытом доступе. Перед вами – хроника произошедших событий, а не их интерпретация.

Ближе к завершению книги мы пришли к одному и тому же выводу: кажется, что книга короткая и едва царапает по поверхности истории, с которой мы имеем дело. Человеческое сознание слишком широко, чтобы уместиться между двумя сторонами обложки, и опыт каждого человека слишком многогранен. Мы стремились к четкости, но это все равно лишь проблеск в темноте.

– *ДЭВИД ЛИНЧ И КРИСТИН МАККЕННА*

Американская пастораль

Мать Дэвида Линча была городской девушкой, а отец был родом из деревни. Хорошее начало для нашей истории, потому что история эта о двойственности. Линч сказал однажды: «Все это находится в таком слабом состоянии, вся эта плоть и этот мир несовершенны», и понимание этой мысли – ключ к его творчеству¹. Мы живем в царстве противоположностей, в месте, где добро и зло, дух и материя, сердце и разум, невинная любовь и грязная похоть сосуществуют в хрупком перемирии. Работы Линча существуют в сложной для понимания зоне, где сталкиваются прекрасное и уродливое.

Мать Линча Эдвина Сандолм была потомком финских иммигрантов и выросла в Бруклине. Она впитала в себя дым и сажу города, запахи масла и бензина, обман и истребление природы; все это повлияло на Линча и его восприятие мира. Его прадед по отцовской линии владел участком пшеничных полей близ Колфакса, Вашингтон, где в 1884 году родился его сын Остин Линч. Лесопилки и высокие деревья, запах свежескошенных лугов, ночное небо, полное звезд, которые видны лишь вдали от городов, – все это тоже часть Линча.

Дед Дэвида Линча стал фермером, как и его отец. На похоронах он познакомился с Мод Салливан, девушкой из Сент-Мэрис, штат Айдахо, и вскоре они поженились. «Мод была очень образована и мотивировала отца», – рассказывала сестра Линча, Марта Леваси, о своей бабушке, работавшей

учительницей в школе, вместившей одну комнату, на земле, которой владели она и ее муж недалеко от Хайвуда, Монтана².

У Остина и Мод Линч было трое детей. Отец Дэвида, Дональд, был вторым ребенком, он родился 4 декабря 1915 года в доме без воды и электричества. «Он жил в заброшенном месте и очень любил деревья, потому что в прериях они не росли, – рассказывал брат Дэвида, Джон. – Он не собирался становиться фермером и жить в прериях, поэтому ушел в лесоводство»³.

Дональд Линч писал диплом по энтомологии в университете Дьюка в Дюрхеме, Северная Калифорния, когда в 1939 году встретился с Эдвиной Сандолм. Она работала над своим дипломом с двойной специализацией на немецком и английском языках, и их пути пересеклись во время прогулки в лесу. Девушку впечатлила учтивость молодого человека, когда тот придержал ветвь, чтобы она могла пройти. Во время Второй мировой войны оба они служили на флоте, а в 1945 году поженились в маленькой морской часовне на острове Маре, Калифорния, в двадцати трех милях к северу от Сан-Франциско. Вскоре после этого Дональд получил место ученого в Министерстве сельского хозяйства США в городе Мизула, Монтана. Именно здесь он и его жена начали строить семейное гнездо.

Дэвид Кейт Линч был их первенцем. Он родился 20 января 1946 года в Мизуле. Ему было всего два месяца, когда се-

мья переехала в Сандпойнт, Айдахо, где и прожила два года, пока Дональд трудился в Министерстве сельского хозяйства. Они еще проживали там в 1948 году, когда родился младший брат Дэвида Джон, но на свет он появился в Мизуле: Эдвина Линч, которую дома называли Санни, решила родить второго сына именно там. Позднее в том же году семья переехала в Спокан, Вашингтон, где в 1949 году родилась Марта. 1954 год семья провела в Дюрхеме, пока Дональд завершал свои исследования в университете. После Линчи ненадолго вернулись в Спокан, а затем в 1955 году обосновались в Бойсе, Айдахо, где задержались до 1969 года. Именно здесь Линч провел самые значимые годы своего детства.

Период после Второй мировой войны как нельзя лучше подходил для того, чтобы быть ребенком. В 1953 году закончилась Корейская война, многообещающий президент Дуайт Эйзенхауэр находился у власти два срока с 1953 по 1961, природа все еще цвела, и казалось, что поводов для забот совсем нет. Хотя Бойсе – столица штата Айдахо – в то время оставался довольно провинциальным городом, и дети среднего класса здесь росли с невообразимой ныне степенью свободы. Детских праздников еще не проводили, и детвора просто собиралась в кучки и скиталась по улицам, исследуя окружающий мир самостоятельно, – вот такое детство было у Линча.

«Детство было волшебной порой для нас, особенно лето, и

самые яркие мои воспоминания о Дэвиде – именно летние, – вспоминал Марк Смит, один из лучших друзей Линча в Бойсе. – Наши двери разделяло всего метров десять, и после завтрака мы тут же неслись на улицу и играли днями напролет. Неподалеку были незанятые участки, и мы брали отцовские лопаты, строили огромные подземные форты и просто лежали в них. Мы были в таком возрасте, когда мальчишки обожают играть в войну»⁴.

И у матери, и у отца Линча были братья и сестры (по двое с каждой стороны), и все, кроме одного, были женаты и имели детей, поэтому семья была большой – с великим множественством тетушек, дядюшек, двоюродных братьев и сестер. Все они время от времени собирались в доме бабушки и дедушки Линча по материнской линии в Бруклине. «Тетя Лили и дядя Эд были добрыми и приветливыми людьми, а их дом на Четырнадцатой улице был неким пристанищем – у Лили был огромный стол, который занимал большую часть кухни, и за ним все помещались, – вспоминает кузина Линча Елена Зегарелли. – Когда приходили Эдвина и Дон с детьми, это был большой праздник: Лили готовила роскошный обед, и подтягивались все»⁵.

По словам очевидцев, родители Линча были исключительными людьми. «Наши родители разрешали нам делать абсолютно сумасшедшие вещи, сейчас бы мы их точно делать не стали, – сказал Джон Линч. – Они были очень открытыми и никогда не заставляли нас поступать так или иначе».

Первая жена Дэвида Линча, Пегги Риви, рассказала: «То, что Дэвид рассказывал мне о своих родителях, просто невероятно: если у ребенка появлялось желание что-то сделать или о чем-то узнать, оно воспринималось абсолютно серьезно. У них была мастерская, где можно было творить все, что угодно, и возникал лишь один вопрос: как нам это сделать? Идеи мгновенно воплощались в реальном мире, и это было очень сильно».

«Родители Дэвида поддерживали стремления своих детей быть теми, кем им хочется, – продолжила Риви. – Но у отца Дэвида были еще и другие стандарты поведения. Относись к людям хорошо, и, когда что-то делаешь – делай это хорошо. У него было с этим очень строго. Дэвид тоже отличался исключительным перфекционизмом, я уверена, что это как-то связано с его отцом»⁶.

Друг детства Линча Гордон Темплтон запомнил мать Линча «отличной домохозяйкой. Она шила одежду для детей и была хорошей швеей»⁷. Родители Линча сохранили в отношениях романтику. «Они всегда держались за руки и целовали друг друга на прощание, – рассказала Марта Леваси, – а еще, подписывая письма, мать Линча писала «Санни» и рисовала рядом солнышко, и «Дон» – и рисовала рядом деревце. Они были убежденными пресвитерианами». «Это была важная часть нашего воспитания, – говорил Джон Линч. – Мы ходили в воскресную школу. Наши соседи Смиты были полной противоположностью. По воскресеньям Смиты заво-

дили свой роскошный Форд Т-берд и уезжали кататься на лыжах, а мистер Смит курил сигарету. Мы же забирались в наш “Понтиак” и ехали в церковь. Дэвид думал, что Смиты крутые, а наша семья скучная».

Дочь Линча Дженнифер помнит свою бабушку «строгой, правильной и очень активной в церкви. У Санни было отменное чувство юмора, и она очень любила своих детей. Мне никогда не казалось, что Дэвид был любимчиком, но совершенно точно она беспокоилась о нем больше, чем об остальных. Мой отец нежно любил обоих родителей, но в то же время презирал всю эту благопристойность, аккуратный белый забор и так далее. Он испытывал ко всему этому определенные романтические чувства, но в то же время терпеть не мог, потому что он хотел курить сигареты и посвящать жизнь искусству, а они ходили в церковь, и все у них было безупречно, тихо и хорошо. Это немного сводило его с ума»⁸.

Семья Линча жила в одном тупике по соседству с несколькими мальчишками примерно одного возраста, и все они подружились. «Нас было около восьми, – рассказал Темплтон. – Были Уиллард “Уинкс” Бернс, Гэри Ганс, Райли “Райлс” Катлер, я, Марк и Рэнди Смиты и Дэвид и Джон Линчи, и все мы были как братья. Мы зачитывались журналом *Mad*, катались на велосипедах, летом купались в бассейне, ходили в гости к своим девушкам и слушали музыку. Мы были свободны – могли кататься на велосипедах до десяти вечера, самостоятельно ездить в центр на автобусе, и мы все

присматривали друг за другом. И все любили Дэвида. Он был дружелюбным, компанейским, скромным, преданным и всегда приходил на помощь».

Кажется, Линч был понимающим и талантливым мальчиком, которому очень не хватало тонкости и мастерства – а их трудно было достичь в Бойсе 50-х годов, и в детстве он все твердил: «Вот бы случилось что-то из ряда вон». Телевидение принесло первые альтернативные реальности в дома американцев, и это стало размывать уникальную атмосферу провинциальных городов по всей стране. Может показаться, что такой проницательный ребенок, как Линч, уловил волну коренных изменений, которые начали менять облик страны. В то же время он как нельзя более соответствовал своему времени и месту, был образцовым бойскаутом; а когда вырос, периодически напоминал о своем статусе скаута-орла, высшем статусе, который может заслужить скаут.

«Мы были вместе в Отряде 99, – рассказал Марк Смит. – У нас были все эти занятия – плавание, вязание узлов, а еще были уроки выживания в лагере, когда нам рассказывали, что можно есть в лесу, чтобы выжить, как поймать белку и приготовить ее, ну и тому подобное. У нас было несколько уроков, а потом мы отправились в горы, чтобы выживать. До этого мы купили все сладости, которые только могли, и съели их все в первый же час. И когда мы добрались до озера, где нам сказали поймать рыбу – чего не смог сделать никто из нас, – к ночи мы уже решили, что умрем от голода.

И тут мы увидели кружащий над нашими головами самолет. С него нам сбросили коробку на парашюте. Это выглядело очень драматично. Коробка оказалась доверху забита продуктами вроде яичного порошка, и мы все выжили».

У Линча был врожденный талант к рисованию, который проявился в раннем возрасте. Мать не покупала ему раскраски – ей казалось, что они ограничивают воображение, отец же приносил кипы разлинованной бумаги с работы. В распоряжении Линча имелись все нужные материалы, и когда он садился рисовать, он был полон вдохновения следовать за своей фантазией. «Это было как раз после войны, повсюду валялись боеприпасы, и я рисовал винтовки и ножи, – вспоминал Линч. – Я обожал самолеты, бомбардировщики, истребители, «Летающих тигров» и пулеметы Браунинга с водяным охлаждением»⁹.

Марта Леваси вспоминала: «Большинство ребят носило тогда обычные футболки, а Дэвид делал на заказ особенные футболки с помощью волшебных маркеров, и все в округе их покупали. Помню, что мистер Смит купил одну для своего друга, которому исполнялось сорок. Дэвид написал что-то в духе “В 40 Жизнь Только Начинается”, изобразив мужчину, глядящего на хорошенькую женщину».

Одаренный и харизматичный Линч, по словам Смита, «однозначно привлекал к себе людей. Он был очень популярным, и я легко представляю его в режиссерском кресле – он всегда был полон энергии и окружен друзьями, потому

что мог заставить людей смеяться. Помню, как в пятом классе мы сидели у тротуара, читали *Mad* вслух и просто плакали от смеха, и когда я увидел первую серию “Твин Пикс”, я узнал тот самый юмор». Сестра Линча подтвердила его слова: «многие шутки из того времени живут теперь в работах Дэвида».

Линч был президентом в седьмом классе и играл на трубе в школьной группе. Как и большинство здоровых жителей Бойсе, он катался на лыжах и плавал – по словам сестры, и то, и другое ему удавалось одинаково хорошо – и вдобавок играл на первой базе в младшей бейсбольной лиге. А еще он любил кино. «Когда он ходил на фильмы, которые я не видел, то возвращался домой и пересказывал их мне в деталях, – рассказал Джон Линч. – Помню, ему очень понравился “Человек, который застрелил Либерти Вэланса” – Дэвид лишь о нем и говорил». Первым фильмом, который посмотрел Линч, был «Жди, пока светит солнце, Нелли» – угнетающая драма Генри Кинга 1952 года, где главного героя убивают в парикмахерской. «Я смотрел его с родителями в кино под открытым небом и помню сцену, где парня расстреляли из пулемета в кресле парикмахера, а в следующей сцене маленькая девочка играла с пуговицей, – вспоминал Линч. – Внезапно ее родители поняли, что эта пуговица застряла у нее в горле, и я помню это ощущение чистого ужаса».

В контексте работ Линча неудивительно, что его детские воспоминания – это смесь света и тьмы. Возможно, работа

его отца, связанная с большими деревьями, наделила его повышенной чувствительностью к тому, что он называл «дикая боль и упадок», таящиеся за фасадом вещей. Какой бы ни была причина, Линч был необычайно чувствителен к энтропии, которая пожирает все новое, и это его беспокоило. Семейные поездки к бабушке и дедушке в Нью-Йорк тоже тревожили Линча. Он вспоминал, как сильно его пугало то, что он там встречал. «То, что меня тревожило, не шло в сравнение с теми чувствами, которые у меня при этом возникали, – признался он. – Я думаю, что люди ощущают страх, даже когда не понимают его причины. Иногда ты простоходишь в комнату и понимаешь, что в ней что-то не так, и когда я отправлялся в Нью-Йорк, это чувство накрывало меня, словно одеяло. Среди природы люди тоже ощущают страх, но этот страх другого рода. За городом может случиться много чего плохого».

Картина, которую Линч написал в 1988 году – «Бойсе, Айдахо», – отражает эти воспоминания. В правой нижней части черного поля вычерчен контур штата, окруженный крохотными буквами, которые складываются в название картины. Четыре зазубренные линии пересекают черное поле, а с левой стороны на штат угрожающе надвигается нечто, похожее на торнадо. Пугающий образ.

Очевидно, самые бурлящие потоки сознания Линча оставались скрыты от его товарищей по играм в Бойсе. Смит говорил: «Когда черная машина заезжает на холм в “Мал-

холланд драйв”, ты просто знаешь, что вот-вот произойдет нечто жуткое, и создал этот образ совсем не тот человек, которым Линч был в детстве. Тьма в его работах поражает меня, и я не знаю, откуда она взялась».

В 1960 году, когда Линчу было 14 лет, его отца перевели в Александрию, Вирджиния, и семья снова переехала. Смиты вспоминали: «Когда семья Дэвида переехала, это было как будто кто-то выкрутил лампочку в уличном фонаре. У Линчей был “Понтиак” 1950 года, а символом этой марки была голова индейца – она есть на капоте автомобиля. Нос их индейца был отломан, и мы называли машину Вождь Сломанный Нос. Перед отъездом они продали Вождя моим родителям». Гордон Темплтон тоже помнит день отъезда Линчей: «Они уезжали на поезде, и мы ехали на велосипедах до самой станции, чтобы их проводить. Грустный был день».

Хотя Линч блистал в Александрии, будучи учеником старшей школы, годы, проведенные в Бойсе, всегда занимали в его сердце особое место. «Когда я воскрешаю образ Бойсе в своей памяти, то вижу хромированный оптимизм 1950-х», – говорил он. Когда семья Линча покинула Бойсе, некоторые соседи тоже переехали, и Джон Линч вспоминал, как Дэвид говорил: «Вот здесь музыка остановилась».

Линч начал выпадать из детства еще до отъезда из Бойсе. Он вспоминал, как огорчился, когда пропустил дебют Элвиса Пресли на «Шоу Эда Салливана», и как всюю интересовался девочками, когда семья переехала. «Дэвид начал

встречаться с очень милой девушкой, – рассказывал Смит. – Они были так влюблены друг в друга». Сестра Линча вспоминала: «У Дэвида всегда была девушка, с юных лет. Когда он пошел в старшую школу, помню, как он рассказывал мне, что поцеловал каждую девочку на фестивале, куда отправился их седьмой класс».

Линч вернулся в Бойсе летом, после того как закончил девятый класс в Вирджинии, и несколько недель провел у разных друзей. «Он вернулся совсем другим, – вспоминал Смит. – Он повзрослел и стал по-другому одеваться – теперь он носил черные брюки и черную рубашку, что было непривычно для нашей компании. Он стал очень уверенным в себе, и его рассказы о приключениях в Вашингтоне нас очень впечатляли. Он стал таким утонченным, что мне тогда показалось, что мой друг ушел куда дальше меня».

«После старшей школы Дэвид больше не приезжал в Бойсе, и мы потеряли связь, – продолжил Смит. – Моя младшая дочь – фотограф и живет в Лос-Анджелесе. Однажды в 2010 году фотограф, которому она ассистировала, сказал ей: “Сегодня мы снимаем Дэвида Линча”. В перерыве она подошла к Дэvidу и сказала: “Мистер Линч, вы должны знать моего отца, Марка Смита из Бойсе”. Дэвид сказал: “Ты шутишь?”, – и в следующий раз, когда я навещал дочь, мы встретились в его доме. Я не видел его со школы. Он тепло меня обнял, а когда представлял меня людям в офисе, сказал: “Познакомьтесь с Марком Смитом, моим братом”. Дэ-

вид – очень преданный человек, и он остается на связи с моей дочкой – как отец, я очень рад, что Дэвид рядом. Я бы хотел, чтобы он все еще жил по соседству со мной».

1950-е не ушли далеко от Линча. Мамы в хлопковых платьях-рубашках улыбаются, доставая свежеиспеченные пироги из печи, широкоплечие отцы в футболках готовят барбекю или спешат на работу в костюмах, сигареты – в 50-х курили все, классический рок-н-ролл, официантки носят милые маленькие заколки на волосах, девочки надевают длинные белые гольфы и двухцветные туфли, свитера и плиссированные юбки в клетку – все это элементы эстетического вокабуляра Линча. Самой важной деталью десятилетия, которая осталась с ним, стала атмосфера. Блестящий фасад невинности и добродетели и пульсирующая за ним темная сила, завуалированная сексуальность, которой были пропитаны те годы, – все это стало краеугольным камнем его искусства.

«Район, где снимался “Синий бархат”, очень похож на наш район в Бойсе, а половина блока нашего дома – это жуткое здание из кино», – объяснил Джон Линч. Первые сцены фильма «Синий бархат», изображающие американскую идиллию, были срисованы с детской книги «Good Times on Our Street», которая надолго поселилась в голове Дэвида.

«Веселая поездка из “Синего бархата” была и в жизни, в Бойсе. Дэвид и несколько его приятелей однажды оказались в одной машине с парнем постарше, который объявил, что проедет сотню миль вниз до бульвара Кэпитол. Я подумал, что это страшновато – сумасшедший подросток за рулем перегревшейся машины, и это воспоминание также осело в памяти Дэвида. Он часто обращается к эпизодам из собственного детства в этой работе».

Линч делает множество отсылок к своему детству в картине «Синий бархат», но его творческую силу и все его работы нельзя объяснить в двух словах. Можно препарировать чье-то детство в поисках ключей к личности, которой предстояло стать этому ребенку, но зачастую оказывается, что нет никакого побуждающего происшествия, никакого бутона розы (образ из фильма «Гражданин Кейн»). Мы просто входим в мир с чем-то исконно своим. Линч – с удивительной способностью радоваться и желанием быть очарованным, и он был уверенным в себе и творческим с самого детства. Он не был одним из мальчиков, что покупали футболки с дерзкими рисунками. Он их создавал. «Дэвид был прирожденным лидером», – говорит его брат Джон.

Очень мило со стороны моего брата называть меня прирожденным лидером, но я был совершенно обычным ребенком. У меня были прекрасные друзья, и я никогда не чувствовал себя популярным или особенным.

Можно сказать, что мой дедушка по материнской линии, дед Сандолм, был парнем из рабочего класса. В его подвале-мастерской было множество фантастических инструментов, восхитительных деревянных сундуков со встроенными замками и тому подобного. Очевидно, родственники по этой линии были опытными краснодеревщиками – они сделали немало шкафов, украсивших магазины на Пятой авеню. Ко-

гда я был совсем маленьким, мы с мамой ездили к бабушке и дедушке на поезде. Я помню, что дело было зимой, и дед гулял со мной по округе, а я болтал без умолку. Я говорил с парнем из газетного киоска на Проспект-парк и думал, что умею свистеть. Я был счастливым ребенком.

Мы переехали в Сандпоинт, Айдахо, сразу после моего рождения, и единственное, что я помню оттуда – это как я сидел в грязной луже с маленьким Дики Смитом. Она была похожа на дыру под деревом, которую наполнили водой из шланга, и я помню, как сжимал в руках эту грязь и чувствовал себя божественно. Самая важная часть моего детства пришлась на Бойсе, но я любил и Спокан, Вашингтон, где мы жили после Сандпоинта. В Спокане невероятное голубое небо. Должно быть, где-то поблизости располагалась военно-воздушная база, так как в открытом небе постоянно летали огромные самолеты, и это было настоящее представление, поскольку у них были пропеллеры. Мне всегда нравилось что-то создавать, и первыми моими творениями были деревянные ружья в Спокане. Я высекал их и подрезал пилой, и выглядели они довольно грубо. А еще мне нравилось рисовать.

В Спокане у меня был друг по имени Бобби, который жил в самом конце нашего многоквартирного дома, а рядом располагался еще один такой же дом. Была зима, и я отправился туда в своем маленьком комбинезоне. Предположим, был я тогда в подготовительной школе. Я в комбинезоне и мой друг

Бобби в комбинезоне – вместе бродим по округе в мороз. То здание отстояло чуть дальше от улицы, и мы увидели, что в нем был коридор, который вел к дверям, и что дверь одной из квартир открыта. Мы направились напрямиком туда и оказались в квартире, где никого не было. Откуда-то в наши головы пришла идея: мы принялись лепить снежки и раскладывать их по полкам шкафа. Мы клали снежки во все ящики, в любые, которые только могли найти, мы делали твердый снежок и клали его туда. Мы сделали несколько больших снежков, в два фута высотой, и положили их на кровать, еще немного оставили в других комнатах. Затем мы забрали из ванной полотенца и разложили их на проезжей части, как флаги. Машины тормозили, один из водителей высунулся, посмотрел, сказал: «А, к черту» и переехал их. Мы увидели, как пара машин переехала полотенца, и продолжили лепить снежки в наших комбинезонах. Закончив, разошлись по домам. Я был в столовой, когда зазвонил телефон, но я ни о чем не подумал. В те дни телефон звонил редко, но все-таки звонки меня не пугали. Трубку взяла мама, а затем отец, и пока он говорил, до меня начало доходить. Думаю, отцу пришлось выложить немаленькую сумму за эту проделку. Почему мы это сделали? Попробуй объясни...

Из Спокана мы перебрались в Северную Калифорнию на год, так что мой отец смог закончить свою научную работу. Когда я слышу песню “Three Coins in the Fountain”, то перед моими глазами встает здание университета Дьюка, на кото-

рое я смотрю снизу вверх, как тогда, и фонтан. Все вокруг залито солнечным светом 1954 года, фоном играет песня, и все это совершенно потрясающе.

Бабушка и дедушка Сандолм жили в красивом особняке на Четырнадцатой улице, а на Седьмой авеню находилась постройка, за которой приглядывал мой дед. В ней было несколько фронтонов, и она также была жилой. Люди жили здесь, но им не разрешалось готовить. Однажды я заходил туда вместе с дедом. Дверь в одну из квартир была открыта, и я увидел, что какой-то парень жарит яичницу на плоской стороне утюга. Люди всегда найдут выход. Да, то, что я огорчался всякий раз, отправляясь в Нью-Йорк, чистая правда. Меня пугало все, что было связано с этим городом. Подземка была просто чем-то невообразимым. Спуск в это место, запах, ветер, который приносили поезда, – в Нью-Йорке на меня наводили ужас самые разные вещи.

Родители моего отца, Остин и Мод Линч, жили на ранчо в Хайвуде, Монтана, и выращивали пшеницу. Отец моего отца был похож на ковбоя, и мне нравилось смотреть, как он курит. Я и так хотел начать курить, а он только подкреплял это желание. Папа курил трубку, когда я был совсем маленьким, но потом заболел пневмонией и бросил. Все его трубки остались, и я любил притворяться, что курю их. Те части, что положено брать в рот, были обмотаны скотчем, потому что родителям казалось, что они грязные, так что в моем распоряжении было несколько таких вот обмотанных скотчем тру-

бок – некоторые изогнутые, некоторые прямые, и я любил их. Я начал курить в очень юном возрасте.

Ближайшим населенным пунктом к ранчо моих деда и бабушки был Форт Бентон. В какой-то момент, в 50-х, они оставили ранчо и переехали на маленькую ферму в Гамильтоне, Монтана, где у них был домик и немного земли. Это было очень по-сельски. У них была лошадь по имени Розовоглазка, на которой я катался, и я помню, как она пила из ручья, а я изо всех сил старался не скатиться вниз с ее шеи головой в ручей. Можно было пойти и пострелять на заднем дворе и ничего не повредить. Мне привили любовь к деревьям, и я с самого детства ощущал сильную связь с природой. Вот и все, что я знал. Когда мы семьей путешествовали по стране, мы делали привал и отец ставил палатку – у нас получался настоящий лагерь, а в мотелях мы никогда не останавливались. В те дни вдоль дорог было множество площадок для кемпинга, но сейчас их практически не осталось. На ранчо надо было все чинить самому, и у отца всегда была мастерская. Он был мастером на все руки и чинил музыкальные инструменты. Он даже сделал десять или одиннадцать скрипок своими руками.

Проекты! Слово «проекты» будоражило всех членов моей семьи. У тебя появлялась идея для проекта, и ты тут же брался за инструменты – это же величайшая вещь на свете! Люди изобретали специальные вещи, чтобы делать другие вещи более отточенными, – невероятно. Как говорила Пегги,

родители очень серьезно относились к моим идеям о вещах, которые я хотел сделать.

Мои родители были очень любящими и добрыми. У них, в свою очередь, тоже были прекрасные родители, и моих маму и папу все любили. Они просто были справедливыми. Об этом особенно не задумываешься, но когда слушаешь чужие истории, то понимаешь, как же тебе повезло. Мой отец был тем еще персонажем. Я всегда говорил, что если перерезать его привязь, то он обязательно убежит в лес. Однажды мы с ним отправились охотиться на оленей. Охота была частью мира, в котором вырос мой отец, и у всех были ружья, так что да, он был охотником, но не жадным до добычи. Если он убивал оленя, то мы его ели. Арендовали морозильник и время от времени спускались в подвал и брали кусочек мяса, а на ужин у нас была оленина, которую я терпеть не мог. Я не убил ни одного оленя и очень этому рад.

Как бы там ни было, тогда мне было около десяти лет, и мы отправились охотиться на оленя. Мы покинули Бойсе и выехали на двухполосное шоссе. Единственным источником света были фары нашего автомобиля, а сама дорога была черная как смоль. Сейчас трудно такое представить, потому что таких черных дорог уже нет, они крайне редко встречаются. И вот мы едем по ней в горы, и тут дорогу перебегают дикобразы. Отец ненавидит дикобразов, потому что они объедают верхушки деревьев, и те умирают. Он попытался переехать дикобраза, но тот умудрился перебежать. Тогда отец

резко прижался к обочине, ударил по тормозам, распахнул бардачок, вытащил пистолет и сказал: «Давай, Дэйв!». Мы бежали за дикобразом вдоль шоссе, а потом попытались взобраться на холм, но все время соскальзывали. На том холме росло три дерева, и на вершину одного из них и залез зверек. Мы принялись швырять камни, чтобы понять, на каком он дереве прячется. Когда мы поняли, отец залез на нужное дерево и крикнул мне: «Дэйв! Брось камень и смотри, пошевелится ли он. Я его не вижу!» Я бросил камень, и он завопил: «Да не в меня же!» Тогда я бросил еще несколько, отец услышал шорох, и – бах! – мертвый дикобраз скатился с дерева. Мы вернулись в машину и поехали охотиться на оленей, а на обратном пути остановились и обнаружили, что дикобраза облепили мухи. Я взял себе пару его иголок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.